

© 2019 г.

А. А. БОГДАШКИН

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РОЛИ ГЕРМАНСКОГО КРУПНОГО БИЗНЕСА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И В ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Богдашкин Александр Андреевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил России «Военно-воздушная академия им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (Воронеж, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640004253-6

Изучение социально-экономической истории Германии в американской историографии имеет давние традиции. Они были заложены европейскими учеными, которые в 30-е годы XX в. эмигрировали в США из нацистской Германии и других стран, находившихся под властью диктаторских режимов и оккупированных нацистами.

Однако большинство работ по новейшей истории Германии, появлявшихся в США до середины 1960-х годов, были сосредоточены на изучении роли крупного бизнеса в приходе Гитлера к власти, а также выявлении социальной базы нацистского движения. Полноценное исследование социальных и экономических конфликтов в германском обществе в годы Первой мировой войны и в период становления Веймарской республики началось позднее, примерно через 20 лет после краха гитлеровского режима. Начиная со второй половины 60-х и вплоть до начала 90-х годов XX в. в США было издано большое количество публикаций, посвященных различным социально-экономическим проблемам германской истории.

Автор статьи предпринял попытку анализа взглядов американских историков на проблемы деятельности крупного бизнеса Германии в 1914–1923 гг. Основное внимание уделяется роли руководителей немецкой металлургической промышленности в провоцировании инфляции, которая началась в августе 1914 г. и завершилась в конце 1923 г. катастрофическим обесцениванием валюты Германии. Осенью 1923 — начале 1924 гг. в стране была осуществлена денежная реформа, позволившая стабилизировать финансовую систему. В августе 1924 г. на Лондонской конференции был утвержден разработанный международным комитетом экспертов план, устанавливавший новые правила репарационных выплат Германией в соответствии с ее объективными возможностями (план Дауэса). Предусматривалось предоставление немецкой экономике иностранных кредитов. Такие меры способствовали относительной стабилизации политической и социально-экономической обстановки в Веймарской республике, открыв новую страницу в ее истории.

«Эпоха инфляции» оказала огромное влияние на развитие Веймарской республики¹. Несмотря на то, что в американской историографии появились исследования последствий инфляции для разных слоев германского общества, изучение социально-экономической истории 1914–1923 гг. началось с анализа деятельности крупного

¹ *Feldman G. D. Great Disorder. Politics, Economics, and Society in the German Inflation, 1914–1924. Oxford, 1993, p. 837.*

бизнеса, как единственной социальной и экономической группы, сумевшей с выгодой для себя воспользоваться кризисной ситуацией².

В первых американских исторических исследованиях стратегия и тактика экономической элиты Германии до начала “Великой депрессии” рассматривалась не очень подробно и обычно в контексте событий, произошедших после 30 января 1933 г. Основное внимание было уделено деятельности руководителей германской тяжелой промышленности в период кризиса 1923 г., когда Гитлером была предпринята неудачная попытка политических действий с целью захвата власти, получившая название мюнхенского «пивного путча».

Наиболее полное изложение планов германского крупного бизнеса и в первую очередь ведущего промышленного магната Рура Г. Стиннеса в конце 1922–1923 гг. было представлено в монографии историка-эмигранта Дж. В. Ф. Хальгартена. Всю полноту ответственности за финансовый кризис и инфляцию в Германии Хальгартен возлагал на Стиннеса — «самого сильного человека в Германии ... и одного из наиболее опасных людей в мире»³. Исследователь подчеркивал, что концерн Стиннеса, осознавая неизбежность собственного краха без продолжения инфляционной политики, 18 апреля 1923 г. начал «одним махом» скупать огромное количество иностранной валюты, тем самым способствуя «сокрушительному краху» немецкой марки⁴.

Аналогичные оценки характерны и для других американских историков. Так, профессор Чикагского университета С. У. Гальперин в монографии «Германия испробовала демократию» указал, что руководители германской промышленности «смогли с выгодой для себя воспользоваться тяжелой ситуацией 1923 г.: зная, как играть на финансовых махинациях, деятели индустриального мира Германии получали огромную прибыль, расширяли свои активы за счет менее удачливых конкурентов, используя дешевую рабочую силу и ссуды»⁵. В большинстве исторических трудов проблема инфляции чаще всего сводилась к 1922–1923 гг., на которые пришелся пик инфляции в Германии. Основное внимание концентрировалось на деятельности подобных Стиннесу финансовых спекулянтов⁶. Подготовленная американским историком Ф. К. Рингером документальная публикация называлась «Германская инфляция 1923 г.»⁷.

Американские экономисты уделили проблемам инфляции значительно больше внимания. В их работах, а также в переведенных на английский язык исследованиях представителей европейской экономической мысли⁸, было отмечено, что инфляционная политика в Германии стала осуществляться сразу же после начала Первой мировой войны⁹. В отличие от историков, подчеркивавших исключительно неблагоприятные социальные и политические последствия германской инфляции, экономисты указывали, что проводившаяся после 1918 г. инфляционная политика позволила Германии сохранить относительно высокий уровень занятости, воспользоваться огромными экспортными преимуществами и относительно быстро реконструировать промышленные предприятия. Так, профессор Гарвардского университета Ф. Д. Грэм утверждал, что обесценивание

² Hubbard W. H. The New German Inflation. — The Journal of Modern History, 1990, v. 62, № 3, p. 561.

³ Hallgarten G. W. F. Hitler, Reichswehr und Industrie. Zur Geschichte der Jahre 1918–1933. Frankfurt a. M., 1962, S. 12.

⁴ Ibid., S. 28.

⁵ Halperin S. W. Germany Tried Democracy. A Political History of the Reich from 1918 to 1933. New York, 1946, p. 254, 301.

⁶ Эти представления нашли отражение в работах советских и российских историков: Остоя-Овсяный И. Д. Рурский конфликт и «план Дауэса» (1923–1924 гг.). — История дипломатии, т. III. М., 1965; Орлова М. И. Революционный кризис 1923 года в Германии и политика Коммунистической партии. М., 1973.

⁷ The German Inflation of 1923. A Documentary Collection. New York, 1969.

⁸ Bresciani-Turroni C. The Economics of Inflation. A Study of Currency Depreciation in Post-War Germany, 1914–1923. London, 1937.

⁹ Feldman G. D. Iron and Steel in the German Inflation 1916–1923. Princeton, 1977, p. 5.

немецкой валюты нельзя рассматривать как «чистого рода проклятье», поскольку «объем промышленного производства Германии к 1920–1922 гг. превосходил уровень, который достигался при более стабильных экономических условиях»¹⁰.

Американские историки поколения 1940-х — первой половины 1960-х годов не уделяли должного внимания экономическим исследованиям. В американской германистике не было проявлено интереса к работе экономиста Т. Веблена¹¹, который одним из первых попытался определить концептуальные рамки для анализа политической экономики Германии начала XX в¹². Существенные изменения в историографии США стали происходить только с конца 1960-х годов. Однако новое поколение историков в своих выводах опиралось на сложившиеся в национальной германистике традиции и представления.

Начиная с 30-х годов XX в. большинство американских историков подвергало резкой критике деятельность Социал-демократической партии Германии (СДПГ), как во время Первой мировой войны, так и в годы Веймарской республики¹³. Особую неприязнь у исследователей вызывала политика социал-демократов в период революции 1918–1919 гг. и их отказ от проведения социально-экономических реформ, которые могли обеспечить экономическую основу политической демократии в Германии. Руководители крупного германского бизнеса, позиции которых, по мнению американских ученых, в результате революции не были поколеблены, стали осуществлять подрывную деятельность против Веймарской республики и, в конце концов, уничтожили ее¹⁴.

В ряде исследований отмечалось, что в результате Первой мировой войны крупный бизнес Германии укрепил свои позиции в социально-экономической и политической структурах государства. Один из влиятельных историков-эмигрантов Х. Холборн подчеркнул, что в ноябре 1918 г. юнкерство потеряло господствующие позиции в германском обществе, уступив свое место крупной буржуазии¹⁵. Автор монографии «Социал-демократическая партия Германии (1914–1924 гг.)» А. Дж. Берлау пришел к выводу, что подписанное 15 ноября 1918 г. четырьмя крупнейшими профсоюзными объединениями Германии и руководителями 20 промышленных фирм «соглашение о деловом сотрудничестве» (соглашение Стиннеса—Легина)¹⁶ оказалось благоприятным для ведущих немецких предпринимателей. При поддержке профсоюзов крупнейшие промышленники Германии могли оказывать эффективное противодействие любым попыткам государства по установлению контроля над производством или осуществлению экспроприации собственности¹⁷.

Эти взгляды оказали существенное влияние на выводы американского историка Дж. Д. Фелдмана, активно приступившего в 60-е годы к исследованию деятельности германского крупного бизнеса в 1914–1923 гг. В монографии «Армия,

¹⁰ *Graham F. D.* Exchange, Prices, and Production in Hyper-Inflation: Germany, 1920–1923. Princeton, 1930, p. 317–320.

¹¹ *Veblen Th.* Imperial Germany and the Industrial Revolution. New York, 1915.

¹² *Feldman G. D.* German Economic History. — Central European History, 1986, v. 19, № 2, p. 174–175.

¹³ *Hunt R. N.* Introduction. — The Creation of the Weimar Republic. Stillborn Democracy? Lexington, 1969, p. VII–XI; *Barkin K. D.* Amerikanische Forschungen (1945–1975) zur modernen deutschen Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. — Geschichte und Gesellschaft. Sonderheft. Die moderne deutsche Geschichte in der internationalen Forschung 1945–1975, Bd. 4. Göttingen, 1978, S. 29; *Орлова М. И.* Германская революция 1918–1919 гг. в историографии ФРГ. М., 1986, с. 43.

¹⁴ *Hunt R. N.* Op. cit., p. X.

¹⁵ *Holborn H.* Achievements and Prospects of German Democracy. — Political Science Quarterly, 1955, v. 70, № 3, p. 426–427.

¹⁶ *Драбкин Я. С.* Ноябрьская революция в Германии. М., 1968, с. 115–116; *Feldman G. D.* German Big Business Between War and Revolution. The Origins of the Stinnes-Legien Agreement. — Entstehung und Wandel der modernen Gesellschaft. Berlin, 1970, S. 312–313.

¹⁷ *Berlau A. J.* The German Social Democratic Party, 1914–1921. New York, 1949, p. 278–279.

промышленность и труд в Германии (1914–1918 гг.)»¹⁸ исследователь убедительно показал, что Первая мировая война коренным образом переформатировала отношения между работодателями, профсоюзными организациями и государством в Германии.

По убеждению историка, затянувшаяся военная кампания потребовала мобилизации всех экономических ресурсов страны для производства вооружений, что вело к усилению роли ведущих немецких промышленников и профсоюзных организаций. Фелдман привел убедительные данные, свидетельствующие, что военное министерство рейха с начала Первой мировой войны эффективно сотрудничало с профсоюзными лидерами, что вызывало неудовольствие промышленников. Это происходило в условиях обострения борьбы между армейским руководством и крупным бизнесом Германии за людские ресурсы. Принятая в августе 1916 г. экономическая программа П. фон Гинденбурга стала триумфом германской промышленности и привела к коренной перестройке отношений между работодателями и рабочими. Тем не менее, по мнению историка, эта программа не смогла обеспечить «полную мобилизацию ресурсов» и в дальнейшем привела к «административному хаосу». В результате крупный бизнес и руководители профсоюзов стали вести переговоры, чтобы оградить себя от государственного вмешательства¹⁹. В этом Фелдман усматривал главную причину подписания соглашения Стиннеса–Леги́на, которое было результатом длительных переговоров, начатых еще в 1917 г. Ноябрьская революция 1918 г. не ускорила, а на несколько дней отсрочила его подписание²⁰.

Приступая в конце 1960-х годов к написанию нового исследования, Фелдман предполагал сконцентрировать основное внимание на изучении отношений между крупным бизнесом, рабочим движением и государственным аппаратом в ранней Веймарской республике²¹. Однако в результате чтения работ экономистов и анализа собранных архивных материалов, которые он обнаружил в открывшихся в тот период архивах германских промышленных предприятий, историк пришел к выводу о необходимости проведения комплексного исследования, в центре которого находилась бы проблема деятельности германской металлургической промышленности в период германской инфляции.

Фелдман был одним из первых американских историков-германистов, обратившихся к изучению специальной экономической литературы, посвященной истории Германии. Во многом это было связано с атмосферой второй половины 1960-х — начала 1970-х годов, когда Европа была охвачена движениями социального протеста. К власти в Германии и ряде других стран пришли социал-демократические и социалистические партии. В США началась борьба афроамериканцев за гражданские права. Позиции левых сил усилились в Латинской Америке, а также во многих странах Азии и Африки.

На фоне этих процессов в США, где в отличие от европейских стран отсутствовали крупные партии, профсоюзы и другие движения, которые можно было бы характеризовать как «марксистские» или «социалистические», университеты становились крупнейшей ареной марксистского дискурса. Американские ученые полагают возможным говорить об «академизации марксизма» в США в конце 60-х — 80-е годы XX в. По данным американского политолога К. Боггса, в 1990 г. в системе высшего образования США работало более 15 тыс. исследователей, позиционировавших себя в качестве сторонников марксистской методологии²².

Американские историки-марксисты широко позиционировали необходимость использования методов политической экономии в изучении исторических процессов. Под их влиянием многие немарксистские американские ученые также

¹⁸ *Feldman G. D. Army, Industry and Labor in Germany, 1914–1918. Princeton, 1966.*

¹⁹ *Ibid.*, p. 150, 521–522.

²⁰ *Feldman G. D. German Big Business Between War and Revolution, S. 335.*

²¹ *Feldman G. D. Iron and Steel, p. XIII.*

²² *Boggs C. Intellectuals and the Crisis of Modernity. Albany, 1993, p. 118–121.*

проявили интерес к истории политической экономии и сочли возможным использовать ее методологию в своих исследованиях. Не соглашаясь с постулатом о необходимости рассматривать политические процессы лишь как результат «предполагаемой экономической рациональности», они считали важным анализировать экономические процессы с позиции влияния на них различных политических сил, а также изучать воздействие экономических интересов на политическую жизнь Веймарской республики²³.

Первые исследования Фелдмана о Веймарской республике, в частности его фундаментальный труд «Железо и сталь в германской инфляции 1916—1923 гг.», были написаны под прямым влиянием подобного рода представлений. В его исследованиях деятельность германского крупного бизнеса и правительств Веймарской республики подвергались серьезной критике. Вместе с тем историк показал сложную ситуацию в германской промышленности, подчеркивая существование в ней различных конкурирующих группировок.

Другим ученым, внесшим весомый вклад в изучение деятельности германского крупного бизнеса в период инфляции, был профессор Гарвардского университета Ч. С. Майер. В монографии «Перестройка буржуазной Европы»²⁴ он предпринял попытку сравнительного анализа деятельности экономической и политической элиты Германии, Франции и Италии, направленной на преодоление кризисных явлений, связанных с последствиями Первой мировой войны. Книга Майера была основана на привлечении материалов из архивов изучаемых им стран. По совету Фелдмана, историк изучил архивы промышленных предприятий Германии. Как рассказывал Майер, ни во Франции, ни в Италии, он не мог найти документов, которые бы настолько хорошо изобличали деятельность ведущих деятелей крупной промышленности, как те, которые были обнаружены в немецких архивах.

Появление исследований Фелдмана и Майера способствовало пересмотру преобладавших ранее представлений о тактике германского крупного бизнеса в 1914—1923 гг. и последствиях для него политики инфляции.

Усилиями Майера в среде историков и экономистов сложился консенсус в том, что осуществление реконструкции Германии после Первой мировой войны при помощи инфляционных методов позволило оживить экономическую жизнь страны. Темпы роста внутреннего производства и внешней торговли Германии были более высокими, чем у стран, которые стали решать проблемы при помощи дефляции²⁵.

Фелдман убедительно показал, что денежный печатный станок в Германии начал усиленно работать с августа 1914 г., поскольку правительство Германской империи приняло решение финансировать военную кампанию не за счет повышения налогов, а при помощи увеличения количества денежных банкнот. Новый виток инфляции, который начался в августе 1916 г. после принятия программы Гинденбурга, историк связывал с тем, что правительство не смогло контролировать проблему роста заработной платы в стране. Еще одной важной проблемой, сказавшейся главным образом после окончания войны, стало обесценивание немецкой марки за границей, что было связано с неблагоприятным платежным балансом страны.

В этих процессах, по мнению Фелдмана и Майера, негативную роль сыграла позиция руководителей германского крупного бизнеса и в первую очередь металлургической промышленности, являвшейся одной из наиболее развитых производственных отраслей страны. Как отмечал Фелдман, в годы Первой мировой войны правительство не хотело «оскорбить» ведущих деятелей промышленного мира

²³ *Maier Ch. S. In Search of Stability. Explorations in Historical Political Economy. Cambridge, 1987, p. 1—16.*

²⁴ *Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe. Stabilization in France, Germany and Italy in the Decade after World War I. Princeton, 1975.*

²⁵ *Feldman G. D. The Historian and the German Inflation. — Inflation Through the Ages. Economic, Social, Psychological and Historical Aspects. New York, 1983, p. 388.*

и отказалось от введения эффективной системы налогообложения промышленных предприятий. Руководством страны был проигнорирован и тот факт, что увеличение в 1916–1917 гг. заработной платы в денежном эквиваленте в 157 раз фактически привело к уменьшению ее реальной покупательной способности. В годы Первой мировой войны германским правительством поощрялась покупка промышленниками шведской железной руды, осуществлявшаяся за счет кредитов, выдаваемых банками Швеции. Кредиты должны были быть погашены в шведских кронах после окончания войны. После ноября 1918 г., по убеждению Фелдмана, эта ситуация привела к тому, что германские промышленники стали осуществлять «недопустимые махинации» на валютной бирже²⁶.

Фелдман отмечал, что в период Первой мировой войны правительства воюющих стран использовали инструменты инфляции для решения экономических проблем. Однако в Германии после внедрения программы Гинденбурга инфляция приобрела более значительные, чем в других странах, масштабы. Один из основных выводов исследователя состоял в том, что усилия Гинденберга и Людендорфа, направленные на поддержание военного производства и социального мира, требовали поиска компромиссов по вопросам ценообразования и заработной платы. Выпуск новых денежных банкнот казался правительству и крупным предпринимателям вполне приемлемым средством решения социально-экономических проблем. Этой же причиной, по мнению Фелдмана, следует объяснять продолжение политики обесценивания марки в период с ноября 1918 до весны 1920 гг.²⁷

Большинство руководителей металлургической промышленности поддержало инфляционные меры, при помощи которых в стране мог быть установлен относительно социальный мир. Выплата заработной платы обесцененной валютой позволяла создавать рабочие места, относительно безболезненно осуществить демобилизацию и решить проблему безработицы. Согласно Фелдману, в период от Ноябрьской революции до подавления Капповского путча влияние Версальского договора и необходимость выплаты репараций путем натуральных поставок сыграли «второстепенную роль» в происходивших в деловом сообществе Германии событиях. Более того, с весны 1920 г. до весны 1921 г. обесценивание марки существенно замедлилось. По некоторым прогнозам, ожидалось укрепление немецкой валюты. И происходило это на фоне серьезной депрессии в других европейских странах²⁸.

Резкое ухудшение положения началось после предъявления Германии в мае 1921 г. Лондонского ультиматума, устанавливавшего сумму репарационных выплат, и произошедших в стране политических катаклизмов. 26 августа 1921 г. был убит руководитель комиссии по перемирию и рейхсминистр финансов Веймарской республики М. Эрцбергер. 24 июня 1922 г. был застрелен крупный промышленник и либеральный политик министр иностранных дел Германии В. Ратенау. Попытка канцлера Й. Вирта найти сторонников своей политической линии в кругах германской экономической элиты окончилась неудачей.

По мнению Фелдмана, эти события привели к началу гиперинфляции. Этот процесс начался еще до франко-бельгийской оккупации Рура. Его главным двигателем стало решение рейхсбанка о дисконтировании коммерческих счетов в ответ на растущий кредитный кризис, связанный с тем, что все меньше иностранцев были готовы спекулировать на увеличении стоимости немецкой марки. Чтобы уберечь экономику от полного развала, рейхсбанк предоставил промышленным фирмам огромные

²⁶ *Feldman G. D. Iron and Steel*, p. 55.

²⁷ *Feldman G. D. The Historian and the German Inflation*, p. 388.

²⁸ *Feldman G. D. The Political Economy of Germany's Relative Stabilization During the 1920/21 World Depression. — The German Inflation Reconsidered. A Preliminary Balance. (Die Deutsche Inflation. Eine Zwischenbilanz. Beiträge zu Inflation und Wiederaufbau in Deutschland und Europa 1914–1924).* Berlin — New York, 1982, p. 180–206.

кредиты. Банкиры полностью отдавали себе отчет в том, что это отчаянная мера ведет к повышению амортизации марки²⁹.

Таким образом, Фелдман пришел к выводу, что «финансирование политики “пассивного сопротивления” французам в 1923 г. при помощи печатного станка просто завершило процесс, начатый за несколько месяцев до оккупации Рура»³⁰. Оккупация Рура позволила прикрыть «дымовой завесой» несостоятельную финансово-экономическую политику рейхсбанка, правительства и влиятельных деятелей германской промышленности³¹. Как подчеркивал Ч. Майер, благодаря инфляционной политике немецкие промышленники и профсоюзы смогли сформировать коалицию, хотя борьба между ними по политическим вопросам продолжала накаляться. К тому же, по убеждению историка, деловое сообщество Германии умело провоцировало инфляцию, чтобы покрыть свои расходы, связанные с реформаторской деятельностью Эрцбергера, которая завершилась введением относительно умеренной системы налогообложения крупного бизнеса³².

Американские историки признавали, что «инфляция была чрезвычайно полезным оружием в экономической и политической борьбе против победителей в Первой мировой войне, чтобы заставить их смягчить свои требования по отношению к Германии». Как отмечал Майер, вплоть до последних месяцев 1923 г. гиперинфляция приветствовалась многими лидерами германской экономики и чиновниками как демонстрация того, что без изменения политики Парижа «немецкая денежная катастрофа может только навредить британской и американской торговле»³³. Такая тактика бизнеса была поддержана и профсоюзными лидерами. Таким образом, как справедливо подчеркивал Фелдман, необходимость дальнейшего осуществления инфляции «была легитимирована самыми высокими патриотическими обоснованиями»³⁴. Однако согласно аргументированному замечанию Майера, несмотря на реальные проблемы, которые испытывали многие немецкие рабочие от обесценивая марки, профсоюзные лидеры никогда не выступали против этой политики, поскольку как крупный бизнес, так и правительство шли им на уступки³⁵.

Восприняв разумные аргументы экономистов, американские историки никогда не соглашались с тезисом о благоприятных последствиях инфляции в Германии. Фелдман обращал особое внимание на то, что инфляция причинила существенный социальный, экономический, политический и моральный ущерб различным слоям германского общества. В результате инфляции экономическая система страны была деформирована, денежные сбережения, пенсионные накопления и инвестиции уничтожены. Стабилизация валюты, как, впрочем, и всей социально-экономической системы Германии, стала осуществляться за счет социальных издержек рабочего класса³⁶. Лидеры германской индустрии в 1924 г. в одностороннем порядке разорвали соглашение Стиннеса–Легина и устранили, в том числе и при помощи французов, многие социальные завоевания Ноябрьской революции³⁷.

²⁹ *Feldman G. D. The Historian and the German Inflation*, p. 390.

³⁰ *Ibidem*.

³¹ *Feldman G. D. German Interest Group Alliances in War and Inflation, 1914–1923. — Organizing Interests in Western Europe. Pluralism, Corporatism and the Transformation of Politics. Cambridge — New York, 1981*, p. 173.

³² *Maier Ch. S. In Search of Stability*, p. 201, 204.

³³ *Ibid.*, p. 203.

³⁴ *Feldman G. D. The Historian and the German Inflation*, p. 391.

³⁵ *Maier Ch. S. In Search of Stability*, p. 204.

³⁶ *Feldman G. D. The Historian and the German Inflation*, p. 392–393.

³⁷ *Feldman G. D. German Interest Group Alliances*, p. 173; *idem. The Social and Economic Policies of German Big Business, 1918–1929. — The American Historical Review*, 1969, v. 75, № 1, p. 52; *Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe*, p. 244, 250, 368, 390.

В 1970-е годы Фелдман и Майер возлагали на правительство Веймарской республики и СДПГ основную ответственность за то, что крупный капитал Германии в ущерб национальным интересам сумел с выгодой для себя воспользоваться обстановкой 1918—1923 гг. Историки обвиняли руководителей реформистского крыла рабочего движения в неспособности бросить вызов всевластию руководителей тяжелой промышленности и использовать социальные конфликты в интересах трудящихся³⁸. Майер подчеркивал, что руководство СДПГ имело возможность принять законодательные компромиссы, которые усилили бы влияние рабочего класса в германском обществе. Однако оно в критические для Веймарской республики годы продолжало следовать тактике сотрудничества с экономической элитой и консерваторами³⁹.

Фелдман и Майер едины в том, что руководители германской тяжелой промышленности и хозяева банков были основной группой германского общества, которые оказались в выигрыше от осуществления инфляции. Фелдман подчеркивал, что промышленные магнаты Германии при помощи своей искусной тактики сумели достичь консенсуса в германском обществе не только по вопросу необходимости ведения инфляции. Они также обеспечили поддержку осуществленным в конце 1923—1924 гг. методам стабилизации экономики, произведенной за счет снижения реального размера заработной платы, увеличения рабочего дня и сокращения рабочих мест. Вследствие этого Германия добилась уступок в репарационном вопросе и обеспечила получение крупных вливаний иностранного капитала. Даже руководители рабочих организаций поддерживали этот курс, считая дефляционную политику неизбежной и закономерной⁴⁰.

Однако с 1980-х годов ситуация в американской германистике претерпевает серьезную трансформацию. После падения в ФРГ социал-либерального правительства Г. Шмидта и прихода к власти в Великобритании и США М. Тэтчер и Р. Рейгана господствующим в мировой экономике становится неолиберализм, а все меры государственного вмешательства, направленные на социальную поддержку населения, подвергаются резкой критике. В историографии Веймарской республики усиливается полемика по вопросу о причинах экономического кризиса 1929—1933 гг. Новое поколение историков стало связывать его начало с тем, что Веймарская республика позволяла себе недопустимые траты, направленные на улучшение социального положения рабочего класса. Подобного рода ситуация, по убеждению немецкого историка К. Борхардта⁴¹, заставила правительство канцлера Г. Брюнинга проводить политику жесткой экономии, в том числе путем существенного сокращения размеров заработной платы (дефляция) и ликвидации значительного числа рабочих мест, что способствовало росту популярности в стране национал-социалистической партии. Среди американских историков схожие взгляды излагал профессор Принстонского университета, ранее преподававший в известном своим консерватизмом английском колледже Питерхауз Кембриджского университета, Г. Джеймс⁴².

Таким образом, позиция Фелдмана и Майера, которые видели в сотрудничестве крупного бизнеса и профсоюзов путь к стабилизации экономической и политической ситуации после Первой мировой войны, стала оспариваться. Взгляды Фелдмана, в свою очередь, существенно эволюционировали вправо. В ряде исследований он

³⁸ *Feldman G. D. Iron and Steel*, p. 468.

³⁹ *Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe*, p. 386—387.

⁴⁰ *Feldman G. D. The Historian and the German Inflation*, p. 393.

⁴¹ *Borchardt K. Wachstum, Krisen, Handlungsspielräume der Wirtschaftspolitik. Studien zur Wirtschaftsgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts*. Göttingen, 1982.

⁴² *James H. The German Slump. Politics and Economics, 1924—1936*. Oxford—New York, 1986; *idem. Economic Reasons for the Collapse of the Weimar Republic. — Weimar. Why Did German Democracy Fail?* New York, 1990.

высказал упрек, что многие историки несправедливо пренебрегают обсуждением вопросов, связанных с реальными трудностями и проблемами немецких промышленников и банкиров, проявляя сочувствие лишь к представителям рабочих⁴³. В изданной в 1993 г. фундаментальной монографии, посвященной влиянию немецкой инфляции 1914–1923 гг. на все слои общества⁴⁴, Фелдман полностью пересмотрел свои прежние представления о необходимости проведения более глубоких социальных, экономических и политических реформ. Более того, в середине 1980-х годов исследователь принял активное участие в кампании против марксистского историка-германиста Д. Абрахама. Историографы, оценивавшие более поздние публикации Фелдмана, говорили о нем как об ученом «в целом благосклонно относящимся к германскому крупному бизнесу»⁴⁵.

Майер продолжал отстаивать свои прежние взгляды. Однако его исследовательские интересы сместились к другим темам, не связанным с историей Веймарской республики. Проблемы деятельности германского крупного бизнеса в 1914–1923 гг. уже не находились в центре внимания американской германистики. Появляющиеся эпизодически новые исследования деятельности делового сообщества Германии, среди которых можно отметить работу Н. Фергюсона о гамбургском крупном бизнесе⁴⁶, написаны с консервативных позиций. Фергюсон стремится доказать, что инфляция имела исключительно негативные последствия как для крупных предпринимателей, так и для всех других социальных групп. Однако историк не оспаривает основные выводы Фелдмана, касающиеся роли германских промышленников и банкиров в процессах обесценивания немецкой валюты.

Фелдманом при финансовой поддержке концерна «Фольксваген» было произведено комплексное исследование различных сторон истории германского общества в период инфляции. В Западном Берлине была создана специальная комиссия по изучению этой темы. Фелдман играл важную роль в ее деятельности; он подготовил много учеников, которые стали исследовать историю Германии 1914–1923 гг.⁴⁷

В 1980-е — начале 1990-х годов изучение истории Германии в период инфляции занимало в американской германистике одно из ведущих позиций. Американские историки, вне зависимости от политических взглядов, сумели убедительно показать, что использование инструментов инфляции после Первой мировой войны смогло стабилизировать обстановку в Германии лишь на сравнительно короткий период и обернулось серьезными социально-экономическими и политическими проблемами. Конечно, вряд ли можно провести прямую связь между событиями 1923 г. и приходом национал-социалистов к власти в 1933 г. Гитлер был детищем различных исторических обстоятельств, и его возвышение нельзя сводить лишь к последствиям инфляции. Тем не менее, многие американские ученые усматривали взаимосвязь между инфляцией, усилением антисемитизма и правого радикализма, а также высокой степени социально-политической деморализации германского общества и формированием атмосферы

⁴³ *Feldman G. D. Industrialists, Bankers, and the Problem of Unemployment in the Weimar Republic. — Central European History, 1992, v. 25, № 1, p. 76–77; idem. Hugo Stinnes. Biographie eines Industriellen 1870–1924. München, 1998.*

⁴⁴ *Feldman G. D. Great Disorder.*

⁴⁵ *Боннел Э. Д. Германские элиты и захват власти нацистами в 1933 г. — Берегиня. 777. Сова, 2014, № 4(23), с. 177.*

⁴⁶ *Ferguson N. Paper and Iron. Hamburg Business and German Politics in the Era of Inflation, 1897–1927. Cambridge, 2002.*

⁴⁷ *Hubbard W. H. Op. cit.; The German Inflation Reconsidered; Historische Prozesse der deutschen Inflation 1914–1924. Ein Tagungsbericht. Berlin, 1978; Kunz A. Civil Servants and the Politics of Inflation in Germany, 1914–1924. — Beiträge zu Inflation und Wiederaufbau in Deutschland und Europa, 1914–1924, Bd. 7. Berlin — New York, 1986; Moeller R. G. German Peasants and Agrarian Politics, 1914–1924. The Rhineland and Westphalia. Chapel Hill — London, 1986; Hughes M. L. Paying for the German Inflation. Chapel Hill — London, 1988.*

беспокойства и страха. Укоренившееся негативное восприятие германским обществом гиперинфляции в период мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. заставило правительство канцлера Г. Брюнинга проводить политику дефляции и жесткой экономики, которая во многом предопределила дальнейшее развитие политической ситуации в Германии⁴⁸.

Но главный урок событий 1914–1923 гг. состоит в другом. При помощи инфляции экономическая элита и правящие круги Германии пытались решить проблемы, которые были вызваны развязанной ими Первой мировой войной. Как показали дальнейшие события, ни патриотический угар, ни включение на полную мощь печатного станка не смогли устранить глубинные экономические и социальные проблемы страны. Американские историки смогли привлечь внимание международной историографии к этим проблемам. Они удачно синтезировали свою работу с исследованиями смежных дисциплин и показали важность социальных и экономических факторов в историческом процессе. Содержащиеся в их работах выводы способны стать уроком для экономических и политических группировок различных стран, которые считают возможным при помощи войн разрешать накопившиеся в обществе противоречия.

⁴⁸ *Feldman G. D.* Great Disorder, p. 5; *idem.* Inflation and Depression as Hitler's Pacemakers. Comment on the Papers of Fritz K. Ringer, Eckhard G. Wandel and Donald L. Niewyk. — *Leo Baeck Institute Year Book*. New York, 1983, v. 28; *Childers Th. C.* Inflation and Electoral Politics in Germany, 1919–29. — *Inflation Through the Ages*, p. 373–385; *idem.* The Nazi Voter. The Social Foundations of Fascism in Germany, 1919–1933. Chapel Hill — London, 1983; *Widdig B.* Culture and Inflation in Weimar Germany. Berkeley, 2001.